

Поэтические страницы

Е.Е. Мишина

Жизнь на территории Любви

*Стихи приходят, не спросясь,
Уходят тоже по-английски...*

Тамара Бахроми.
Из поэмы «Час слова»

Где заканчивается сочинительство стихов и начинаются сами стихи, а за ними следом – поэзия, вопрос открытый. Кто профессионал, кто дилетант – тоже не всегда можно определить навскидку. Ремесленника видно издалека: его вирши часто обладают четкой формой, выдержан размер и безупречна рифма, но звучание все равно – а от четкости еще более – напоминает стук метронома, включенного в тишине. Без музыки. Не хватает чего-то, что в настоящей поэзии заткано между строк, скользит в просветах между словами и буквами. Почти визуальный образ, проекция

чувств и эмоций, переполняющих сердце того, кто, поспешая, записывает на бумагу рифмованные и нерифмованные строки. Вот сейчас они еще рядом, а упусти мгновение – убегут, улетят, и не догонишь.

Что такое профессионал или дилетант в поэзии, пожалуй, не стоит даже обсуждать. Здесь очень тонкая, принципиальная грань. Борис Бугаев, он же Андрей Белый, – по образованию химик; великолепный Максимилиан Волошин – юрист с неполным университетским образованием. А что касается Александра Сергеевича Пушкина – гения поэзии, то за его плечами лишь Царскоесельский лицей – что по нынешним временам соответствует среднему школьному образованию, только набор предметов другой – и все. И никаких гуманитарных факультетов. Правда, лицейские курсы литературы и стихосложения прошли в Царском Селе многие, а вот Пушкин получился один, другого не было и не предвидится.

Во всяком случае, у Тамары Исмаиловны Бахроми образование для занятий стихосложением подходящее. Она окончила филологический факультет Ташкентского государственного университета, работала журналистом. Потом в какой-то момент с журналистикой рассталась и занялась альтернативной медициной. Как стало ясно из общения с ней, Тамара Исмаиловна не склонна обсуждать биографические подробности своей судьбы – не затем, чтобы что-то скрыть, просто она не считает это главным. Для нее в человеке важнее не кто, а ЧТО он есть по внутренней сути.

Тамара Бахроми давно начала писать стихи, но по большей части писала, как говорится, в стол. Публикаций было немного. Первая – стихотворение, напечатанное в газете «Пионер Востока» в Ташкенте после поездки в Братск, куда ее послали в командировку в далекие журналистские времена. Больше своих стихов она не публиковала. Но в душе и в сознании они появлялись, приходили сами, без спроса, а это первый признак призвания. Кто-то из маститых сказал: «Можешь не писать – не пиши. Пиши, только если НЕ писать не можешь». Это относилось к прозе, но применимо и к поэзии, и к любому делу, фундаментом которого должен быть талант; это он, по определению Станиславского, «движет человеком».

Бахроми не писать не могла, но публиковать написанное не стала. Почему? Говорит, не хотела, чтобы то, что было извлечено из самой сердцевины души, находилось рядом с поэзией, которую она называет «местной». «Местная» поэзия – это тот самый метроном без музыки.

В стихах Тамары Исмаиловны музыка сердца звучит так явно, так волнительно и порывисто, что часто заглушает и опережает ритм, соблюдать который в стихосложении необходимо. Но без этого сбоя, подобного сбою сердечного пульса, невозможно поменять эмоциональный градус, повернуть русло размышлений, – а ее стихи непременно содержат философское размышление. В цикле стихов «О, Индия» это размышление о необычайном сходстве двух великих стран: России и Индии.

С некоторых пор Индия стала той частью света, о которой Тамара Бахроми печалится как об утраченной Отчизне, – но, что удивительно, она никогда в Индии не бывала. Людмила Васильевна Шапошникова, генеральный директор Музея имени Н.К. Рериха и шеф-редактор журнала «Культура и время», поразилась этому обстоятельству, когда впервые прочитала стихи, принесенные ей Тамарой Исмаиловной. По ее словам, так об Индии мог говорить только человек, который пропитан до мозга костей духом этой древней страны, был там, дышал этим воздухом в прямом и переносном смысле, любит эту страну, как может любить только преданный ее подданный.

В последние годы Тамара Бахроми часто пишет об Индии. В ее жизни случилось нечто, после чего Индия, по выражению Тамары Исмаиловны, «объявилась в душе». Она говорит, что здесь присутствовала доля мистицизма, но не хочет детально останавливаться на этом обстоятельстве. События, где маячила мистическая тень, случались с каждым хотя бы раз в жизни, но трактовка их – вещь опасная, и они не слишком ей поддаются, особенно когда дело касается внезапно возникающих духовных и душевных привязанностей. Как параллель – сумма «случайностей», предшествующих выбору спутника на всю жизнь (естественно, по любви), также достаточно мистична, и чем предпочтение необъяснимей, тем в конце концов оказывается верней. Свою сердечную связь с неведомой и невиданной страной Тамара Бахроми не пытается объяснить, ограничиваясь лишь констатацией:

*Твои меня приветствовали боги,
Твои цветы мне выткали узор.
О, Индия, одни у нас дороги –
Дней нынешних и с давних, давних пор.*

Агни Йоге, учению Живой Этики, всему философскому наследию и Е.П. Блаватской, и семьи Рерихов в жизни Тамары Исмаиловны отведено особое место. Этот взгляд на мир, это мироощущение питает ее рифму. «Стихи могут быть

или мотивацией, или следствием работы под-сознания, – говорит она. – Когда я познакомилась с творчеством Рерихов, ощущение Индии, что жило глубоко внутри, неожиданно перешли на уровень сознания, а затем оформились в слове». Все в ее отношении к стихосложению замешано на интуитивном ощущении мира, растворенного внутри человеческого существа естественным, природным способом:

*...В рассветный час, когда дремотно спится,
Когда слова заветные тихи,
Я знаю, что не кровь во мне струится,
А тихо словом полнятся стихи...*

Часть написанного Бахроми посвящена тем, кто стал Учителями человечества на его пути к мудрости, познанию Красоты созданного Творцом мира и умению вести борьбу за лучшее в нем. Ауробиндо Гхош, Махатма Ганди, Рабиндранат Тагор, Джавахарлал Неру, Николай Константинович и Елена Ивановна, Юрий Николаевич и Святослав Николаевич Рерихи; и рядом – первый русский человек, принесший в Россию не сказочно-мифические домыслы, но истинные свидетельства об Индии, Афанасий Никитин, – о них ее стихи, идущие из глубины сердца.

Посвящения Елене Ивановне Рерих нежны, величавы и трогательны. Поэтесса видит в образе Елены Ивановны то же, что видели в ней и Николай Константинович Рерих и их замечательные сыновья, – Ведущую, Другиню, Берегиню:

*...О ней еще будут написаны книги,
О ней еще скажут поэты слова,
Высокую жизнь разделяя на миги,
Где каждый – страница, где каждый – глава...*

И еще:

*Но кто меж сынов человеческих?
– Ты, Женщина, ныне предтеча:
Ты приняла ношу святую –
Великих энергий огонь...*

Духовная близость России и Индии, связывающая наши страны в незапамятные времена, еще до Христа и Будды, – частый лейтмотив ее поэзии. Безусловно, на мировоззрение автора существенно повлияло знакомство с философским наследием семьи Рерихов.

Говоря о родной земле, на которой выстроен отчий дом, люди часто используют существительные женского рода: Родина, Отчизна. Всему, что рождает траву, цветы, деревья, что питает все

сущее, – во всех языках мира отвечает определение Мать-Земля. Женский образ как воплощение красоты, милости, мудрости, любви всегда был притягателен для поэтических натур и питал их метафору. Так и Индия, и Россия у Тамары Бахроми выступают в образах равнопрекрасных женщин:

*О, Индия! Века твои текли,
Века была ты, как цветок в пыли.
Но, несмотря на тлен и суету,
Лелеяла Добро и Красоту.
И множишь их, живя под небом синим,
И в этом здесь твое сродство с Россией.*

И, обращаясь к Индии:

*Услышь меня! Я тоже – дочь Востока.
От имени России говорю –
Ведь для меня она, хоть синеока,
Но Родина. И я ее люблю...*

Тамара Бахроми – человек с четко определенной гражданской позицией, которая отражена в цикле «Но все прогрессы реакционны...». «Не убий», «Возлюби ближнего своего» – эти устои нравственности в различных формах содержатся во всех главных вероисповеданиях человечества.

В «Поэме о женщине» краткий рассказ об индианке и ее сыне дополнен поэтическими обобщениями и противопоставлениями нравственных убеждений «цивилизованного» Запада и «дикого» Востока. Все акценты здесь расставлены не в пользу внешне красиво оформленной, но изнутри духовно одичалой «цивилизации». Образ народа, взрастившего такого революционера, как Махатма Ганди, который сделал все, чтобы бескровно вывести соотечественников из колониального рабства, представлен в «Поэме о женщине» в лице матери и сына. Здесь минимум внешних черт и множество духовных:

*...Венки плела... И в хижине убогой
Всегда царили мир и красота...
<...>
Земле он кланялся – и хлеб земля взрастила.
Воде –
и жизнь земле дала вода.
Склоняясь перед их великой силой,
Не осквернил, что свято, никогда.*

Зато облик колонизатора, очерченный одним четверостишием, конкретен, узнаваем и, несмотря на отсутствие прямой иронии, выглядит почти комично. Он полон «величавой импозантности», он «хрустит от эlegantности», в руке британско-

го сахиба «искрится в хрустале вода», но его замечание: «Дики, о, да!» – превращает благовоспитанного джентльмена в шарж в стиле Кукрыниксов. Этот карикатурный денди не признает человека равноподобным себе только потому, что тот не умеет пользоваться столовыми приборами. Да, презираемый им народ незнаком с отлакированной европейской этикой, утратившей первоначальный сердечный смысл, но зато ему введомы этика сердца, этика духа – то, что мы сегодня зовем *Живой Этикой*.

Человек – един с природой, и есть те, кто готов отдать за это единство жизнь. Человек человеку брат – это банальность, но она никогда не утратит заложенного в ней первоначального семени истины. Человек – это действительно *мера всех вещей*. Таковы твердые личные убеждения Тамары Бахроми, выраженные в стихах. Возможно, «Поэма о женщине» будет сочтена любителями выверенных форм и четких последовательностей недостаточно структурной и слишком полной не проговоренных до конца намеков; изредка хромает рифма. Но в ней есть главное – внутренняя необходимость автора еще раз, по-своему, установить приоритет гуманистического начала в человеке. Без такого начала рухнет сам человек, а вслед за ним – мир, где он поселился, и все хорошее, что он в нем создал.

В стихотворении «Всегда как откровенье, снова...» Тамара Исмаиловна обращается к небесному телу, на котором мы живем все вместе, как к живому, дышащему существу. Его невозможно раззять на части, не повредив целого.

И если где-то множится вирус войны – смертельно больна вся планета. Человечество вновь оказывается отброшенным назад на пути духовного совершенствования. И автор печально спрашивает:

*...Где, на какой звезде твое отечество, –
Небесное, святое Человечество?*

То, что вы прочтете далее, – самый настоящий поэтический дебют. Если бы Бахроми часто публиковалась, возможно, к ее образному, свободному языку прибавился бы необходимый ритм, которого у кого-то в избытке, а ей иногда не хватает. Но в этих строках – жизнь неравнодушного сердца. Для него территория любви – весь мир, где есть две равно возлюбленных ею державы: Россия и Индия. Этим объясняется то, что после многолетнего нежелания обнародовать свои сочинения, уже в возрасте, когда человек невольно начинает подводить итоги пройденному, она пришла со своими стихами об Индии именно в Международный Центр Рерихов.

«Я могла принести их только сюда», – говорит она, и этот выбор закономерен. Кто, как не Рерихи, всю свою жизнь, все творческие и человеческие силы, в громадной полноте данные им от Бога, посвятили упрочению связей между нашими странами. Тамара Бахроми от всей души надеется, что ее стихи станут малой составляющей моста, который соединяет в Вечности судьбы двух великих сестер – России и Индии.

Тамара Бахроми

«О, строки, где обитель ваша?»

Из цикла «О, Индия!»

О, ты, чарующая людей...

Р. Тагор

*Если народы говорят на разных языках,
значит, можно открыть душу.*

Озарение, ч. 3, VI, 12

* * *

Н.К. Рериху

В оправе синевы небес
Прекрасна ты, страна чудес...

Услышь меня! Я тоже – дочь Востока.
От имени России говорю –
Ведь для меня она, хоть синеока,
Но Родина. И я ее люблю
До боли, до щемящей светлой грусти...

О, вслушайся! Услышь, увидь – прошу!
Ты слышишь ли – Россия, россы, русский...
Ты видишь в поле павшую росу?

Ты слышишь ли – славяне, славен,
слава...

Овеян русский ею. Но скажу –
Славна его душой моя держава,
Что, как твоя, устремлена к добру.

...Тебя почтили – ты была
Жемчужиной ее короны.
Форсайт – имел он все права,
Но быв, остался посторонним.
Он не постиг души иной,
Ее исканья и прозренья.
То единенье с ней, землей,
Что подарили откровенья.

...О, не убей живое – муравья.
 Всем, что на ней, – она жива, земля.
 Всем, что на ней, – она горда, земля,
 Праматерь светлая всех нас – твоя, моя.

О, не убей – но братом будь, пребудь
 Травинке каждой, отправляясь в путь.
 К песчинке каждой под ногой твоей
 Ты на дороге жизни будь добрей.
 Услышь – с Землею небо говорит.
 Добро – оно одно лишь жизнь творит.

...Ты столько слышал песен,
 О, Ганг! О, Ганг мой, Ганг...
 Взошли слова в столетях,
 О, Ганг! О, Ганг мой, Ганг...

Что высоки, как небо,
 О, Ганг! О, Ганг мой, Ганг...
 Что нам дороже хлеба,
 О, Ганг! О, Ганг мой, Ганг...

Ты все, что было, знаешь,
 О, Ганг, о, Ганг мой, Ганг...
 С великих Гималаев
 Ты к нам течешь, о, Ганг!

Ты все, что будет, знаешь,
 О, Ганг! О, Ганг мой, Ганг...
 С них – вечных Гималаев –
 Ты к нам спешишь, о, Ганг!

...Он у отеля на земле лежал.
 От голода иссохший, умирал.
 Уже не надо в мире ничего,
 И хлеб уже не оживит его.

Ты подошла и наклонилась ты.
 Твоя рука лелеяла цветы,
 К лицу она букет их поднесла,
 Чтобы слезу за ними скрыть смогла.

Ты наклонилась – руку он поднял
 И, молча, на букет твой указал.
 И бережно иссохшая рука
 Букет к себе приблизила слегка.
 И отстранила от лица назад...

И жест понятен был, и ясен взгляд:
 «Вблизи цветы – их резок аромат,
 И красоту их не оценишь ты,
 Когда лицом зароешься в цветы...»

Но ощутила тонкая рука
 И эту тяжесть – тяжесть лепестка,
 В бессилии поникла на настил,
 И взглядом он сказал тебе: «Прости...»

...О, Индия! Века твои текли,
 Века была ты, как цветок в пыли.
 Но, несмотря на тлен и суету,
 Лелеяла Добро и Красоту.
 И множишь их, живя под небом синим,
 И в этом, здесь – твое родство с Россией.

Синь неба Индии – в глазах у россиян.
 Пусть разделяют нас границы дальних стран,
 Но облик смуглолицый внятен мне...
 Так будь благословенна в каждом дне!

...В рассветный час, когда дремотно спится,
 Когда слова заветные тихи,
 Я знаю, что не кровь во мне струится,
 А тихо словом полнятся стихи.

И в нем, в рассвете брезжащем едва,
 Мне, Индия, звучат твои слова
 Евангелием от Вивекананды...

«Не молюсь я в храмах –
 Не отринь меня!
 Пусть Тебе молитвой
 Будет жизнь моя...»

О, ты, взывающее к душам,
 О, рукоположи – молю!
 И я на век слова обрушу
 И душу века сотворю.

Пошли, о, небо, мне слова,
 Слова печали.
 Чтобы как отчая Земля
 Они звучали.

Пошли, о, небо, мне слова
 Святого гнева.
 Во славу разума! О, да:
 Я – левый. Левый!

Пошли, о, небо, мне слова,
 Чтоб мир объяли.
 Чтобы земле как свет добра
 Они сияли...»

Е.И. Рерих

О, Женщина! О, русская душою!
 Как высоко твои пути легли...
 О, жертвенность в союзе с красотой,
 Во имя Веры, Блага и Любви!

...Кто подарил ее тебе – отвагу?
 Иль женщин русских встали имена?
 Или ему в душе дала присягу?
 Но жизнью всею ей была верна.

О ней еще будут написаны книги,
 О ней еще скажут поэты слова,
 Высокую жизнь разделяя на миги,
 Где каждый – страница и каждый – глава.

...Иль ты уже тогда была богиней
 И потому сумела и смогла
 Содейть то, о чем молва не сгинет,
 И – на Вершины светлые взошла...

Из цикла «Твоих Махатм Великая душа...»

...Эти люди, горевшие каждый своим
 огнем, по-своему прокладывали
 путь к будущему возрождению.

Индира Ганди

Махатме Ганди

Да будет Свет, руками сотворенный!
 Голодным – хлеб! Довольно праздных слов!
 Вставай, вставай, проклятьем заклеянный,
 Весь мир голодных, париев, рабов!

И встал народ с колен, расправив плечи.
 И рабства мрак ушел, ушел навечно.
 Но знаю я – живет, добро творить спеша,
 Твоих Махатм Великая душа.

...Когда, обитель тела покидая,
 Стремилась ты, душа, в предвечный край,
 Я знаю, что велела, отлетая:
 «Убившего меня – не убивай...»

Джавахарлалу Неру

О нем говорили – святой...
О, народ мой! С тобой я, с тобой!
Я воспел тебя жизнью своей,
Я молился лишь Индии – ей.

Мы назначили встречу с судьбой,
Мы свиданья приблизили час.
О, народ мой! С тобой я, с тобой!
Я в пути твоём – рядом. Сейчас.

Ауробиндо Гхошу

Мне не забыть тебя, Ауробиндо Гхош.
Твой облик с Индией самою дивно схож.
Венчает Мысль высокое чело.
О, устремленность Духа твоего!
О, озаренность светлого лица...
Ты их прозрел – Начала. Вне конца.

Что скажешь ты?
– Ступай к высотам знания.
Иди. Очистись телом и душой.
Иди. Но мудрость древнего преданья
Возьми с собой. Бери всегда с собой.

Что принесли вы миру?
– Свет добра.
Что взяли у него?
– Частицу света.
Зачем, скажи?
– Для своего Завета –
Чтоб ты вставал заслоном силам зла.

...Я знаю, зачем развеян был прах
Их всех над землею твоей –
Чтоб снова взошло в грядущих веках
Величье твоих сыновей.
И если в каждом слове моем –
Частица плоти моей, –
Из них, небеса, сложите потом,
Сложите добрых людей.

Афанасию Никитину

Но не с мечом пришел я,
Не для битвы –
И не таился ни в еде,
И ни в молитве.

Я ходил за три моря далекие.
Был я первым, пути проложил.
Ой ты, лада моя черноокая,
Я ли, я ль по тебе не тужил...
Поклонилась Россия березами.
Сын – в дом отчий вернулся к тебе.
Ты ж, Земля, оплетенная розами,
Все со мной наяву и во сне...

...О, если бы, цветы, вы оплели
Ракетодромы на груди Земли!
Хрупка и беззащитна красота?
О, нет – за нею Духа высота.
Что сеет смерть, то смертно. Лишь она
Бессмертьем на Земле облечена.

...О, если бы, цветы, вы оплели
Ракетодромы на груди Земли...

Матерь Мира

Прекрасное лицо твое сурово.
О, Матерь Мира, светлая всегда!
Великая, молю, дозвожь мне слово:
Иль ты такая в грозные года?

Но тонкое лицо твое в печали...
О чем она – дозвожь, дозвожь сказать.
Иль ты скорбишь, чтоб мы ее не знали,
Иль мы тебя заставили страдать?

Е.И. Перих

...Но кто меж сынов человеческих?
Кто ныне, где ныне предтеча?
– На хрупкие женские плечи
Тяжелая ноша легла.

Атлантом, раскинувши руки,
Ты Землю взяла на поруки
И Слова священные звуки
В ладони свои приняла.

Но кто меж сынов человеческих?
– Ты, Женщина, ныне предтеча:
Ты приняла ношу святую –
Великих энергий огонь.
Пребуди же в веках одесную...
Земле ж они выкуют броню
Великого вышнего Слова,
В котором пребудет Господь –
Единый, явившийся снова
В том Слове, которое – плоть...

И я прошла за нею путь земной...

Рави Шанкару

Томительные плыли звуки...
И вдруг они воздели руки
К далеким синим небесам.
Я сам, взрыдал ситар, я сам
Спрошу у неба для тебя
Частицу вечного огня.
Душа, что музыку творила,
С Землей и небом говорила.
Меня мелодия звала,
Чтоб путь земной за ней я шла.

Склоняясь, поле я вспахала,
Я землю, как дитя, ласкала!
Потом просила я у Бога
Дождя на поле хоть немного.
И вняло небо и пролилось –
И урожаем уродилось!
И вот – наградой за старанье –
Пришла пора снопов вязанья.
Как в ритме отлетали звуки,
Как смуглые взлетали руки!
...Есть музыка – пусть безупречна –
Порхает мотыльком беспечным.

Но эта вопрошала небо:
– Зачем на свете мало хлеба?
Зачем все бrenно в мире этом? –
Взывала и ждала ответа.

Но эта так гудела мощно –
Так, как гудит толпа, органом
В свой час молитвы, час всенощный
Под сводами великих храмов.

...Умолкла вдруг она. Излилась...
Но за меня она – молилась...

Твои меня приветствовали боги,
Твои цветы мне выткали узор.
О, Индия, одни у нас дороги –
Дней нынешних и с давних, давних пор.

Богиня, прости, – я цветов не срывала,
Молитвы к тебе заучить не смогла.
И в храмах твоих я к тебе не взывала.
Но душу твоим небесам отдала.

Приоткрылась заветная дверца –
Загляни-ка в обитель веков,
Зарони-ка любовь в чье-то сердце –
Это лучше, чем циклы стихов.

Я сегодня прощаюсь с тобою.
Между нами пролягут года.
Но ты стала моею судьбою,
Чтоб остаться со мной навсегда.

Рабиндранату Тагору

...О, строки, где обитель ваша –
Страницы или неба чаша?

Ты все постичь на этом свете смог:
Как с небом гордый говорил цветок
И хлопали в ладоши листья леса,
Что скрыла от людей дождей завеса,

Как встал, блистая, лотоса росток.
Танцуют белые жасмины,
И Гималаи – исполины
С летящей в небо в сонме дней
Короной снежною своей...

«В силах ли выдержать сердце
Несказанную эту красу...»

О, Мать-Земля, прости мне это –
Прости упрек мне мой не злой,
Но как ты ранила поэтов
Своей пресветлой красотой!

Как быть с рассветами твоими,
С сердечной вечною тоской?
...Стоишь, оваянная синью,
В бегущих строфах облаков...

Из цикла «Но все прогрессы реакционны...»

*Нельзя быть по-настоящему чело-
вечным, если не смотреть на своих
близких и на все живое глазами друга.*
Индира Ганди

*Цивилизованный дикарь есть самое
отвратительное зрелище.*
Н.К. Рерих

Поэма о женщине

...Присела, тихая – неможется.
Сахиб, поморщившись, взглянул,
И мальчуган с чумазой рожицей
Ему букетик протянул.

Джентльмен хрустел от элегантности,
Искрилась в хрустале вода.
И в величавой импозантности
Он обронил: «Дики, о да!»

...Бесхитростно жизнь женщины бежала.
Кусок лепешки завернув в платок,
Она его соседу отдавала,
А он ей приносил воды глоток.

Так дни текли в убранстве небогатом.
В избытке лишь она была – нужда.
Но если дико в ближнем видеть брата,
То с вами я согласна, господа.

...Венки плела... И в хижине убогой
Всегда царили мир и красота.
Но если дико в красоте чтить Бога,
То с вами я согласна, господа.

...Был богом для нее аскет великий.
Его отцом своим она звала.
Но если чтить высоты духа дико,
То с вами я согласна, господа.

И в час последний, на краю могилы,
Когда лежала слабая, без сил,
Она лишь об одном богов просила –
Чтоб душу в чистоте сынок взрастил.

...Земле сын кланялся – и хлеб земля взрастила.
Воде – и жизнь земле дала вода.
Склоняясь перед их великой силой,
Не осквернил, что свято, никогда.

Мать у него хорошая была –
Хоть изредка, но досыта кормила.
И одному лишь: «Не убий!» – учила,
Но слишком рано от него ушла.

Да, вилку он держать навряд ли сможет.
Салфеток белых не видал нигде.
На корточках кусок лепешки гложет,
Но приступил с молитвою к еде.

...Когда, ведя полки против России,
Враг¹ набирал из всех империй люд,
Сказал: «Зачем они-то мне – такие?
Они ведь даже мухи не убьют!»

...О, человек! Коснулся небосвода,
В век космоса его идут года.
Но коль не дико в нем уничтожать народы,
То с вами я согласна, господа.

...Встал дровосек недвижим с топором²:
Они обняли все вокруг – стволы.
Сказали: «С ними вместе – мы умрем.
Своей не пожалеем головы!»

...Какие ж мы моральные уроды,
Свои нагромоздивши города!
И если дико частью быть природы,
То с вами я согласна, господа.

...Вы европеец, сэр. У вас в отчизне
Высокий уровень – для вас и вашей жизни.
Но я спросить хочу, ответь, не погреси!
Чей все же выше уровень души?

Супермаркеты, быт электронный,
НТР... Как гордится наш век!
«Но все прогрессы – реакционны,
Если рушится человек!»³

* * *

...Всегда, как откровенье, снова
Строка наступит, зазвучит.
Когда в душе проснется слово –
Оно само заговорит.
И в нем, рассвете брезжащем едва,
Мне, Индия, звучат твои слова...

«О, Гималаи! К вам мы тянем руки.
Вы в горней поднебесной тишине
Возьмете ль век пред небом на поруки?
Услышите! Небо – в вашей вышине...»

...Лишь сумерки объемлют небосклон,
Блистательный восходит Орион.
И над Землею, как во время оно,
Склоняется созвездье Ориона.

Нам звезды льют свой чистый свет...
Не загазованы вы, нет?
В той горней вышине вы так покойны...
Но люди к вам послать решили войны...
Слова, что рядом: звезды и война...
Планета, как смертельно ты больна!

...Где, на какой звезде твое отечество,
Небесное, святое человечество?

¹ «Враг» – Гитлер. Набирая войска перед вступлением во Вторую мировую войну, исходя из принадлежности к арийской расе, Гитлер не рекрутировал индийцев в силу их природного миролюбивого характера. – *Авт.*

² Древний исторический эпизод: когда некий местный правитель потребовал вырубить деревья на близлежащем от деревни горном склоне, женщины селения привязали себя к стволам и заявили дровосекам, что готовы погибнуть вместе с деревьями. – *Авт.*

³ А. Вознесенский.

